

ЗАПАДНАЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ «РОССИКА» РУБЕЖА XX—XXI ВЕКОВ: ОСНОВНЫЕ ФИГУРЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПОДХОДЫ

В. П. Трыков, А. Р. Ощепков

Московский педагогический государственный университет,
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва

The Western Literary Critical «Rossica» of the XX—XXI Centuries: the Main Figures, Tendencies and Approaches

V. P. Trykov, A. R. Oshchepkov

Moscow Pedagogical State University,
A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language, Moscow

---

В статье дан краткий аналитический обзор наиболее значимых или характерных для западного литературоведения рубежа XX—XXI веков работ, посвященных репрезентации России в европейском литературном и общественном сознании, выявлены некоторые подходы к изучению данной проблематики.

In the article a brief analytical review of the most significant and typical for the Western literary criticism of the boundary of the XX—XXI centuries studies that cover the representation of Russia in the European literary and social consciousness are presented, some approaches to the study of this problem field are revealed.

Научное изучение на Западе истории и культуры России началось еще в XVIII столетии. Так, например, во Франции первые исторические труды о России появились в конце XVIII в. («История России» (1782) Ле-века, «История древней Руси» (1783—1784) и «История новой России» (1783—1785) Леклерка). XIX столетие пополнило западную литературоведческую «Россику» многочисленными статьями, брошюрами, трактатами о России (см., напр., работы А. Париса, Ж.-М. Шопена, А. де Ламартина и др.). В конце XIX в. начался новый этап серьезного изучения русской истории, культуры и литературы во Франции, связанный с именами А. Леруа-Больё, А. Леже, М. де Воюэ, А. Рамбо, А. Мазона, А. Лиронделя. Наиболее значительным из написанного на эту тему во Франции были две фундаментальные работы французского историка и публициста А. Леруа-Больё «Империя царей и русские» (1881—1885) и «Франция, Россия и Европа» (1888).

На рубеже XIX—XX вв. расширяется преподавание русского языка и литературы во французских университетах, возникает несколько научных обществ, ставивших своей целью изучение России. В 1898 г. в Париже было основано «Франко-русское общество», издававшее журнал «Ревю дез этюд рюс» (1899—1900), переименованный позже в «Ревю дез этюд франко-рюс» (1910—1911). Журнал публиковал хронику франко-русских политических и культурных контактов, печатал историко-литературные статьи, переводы

русских писателей. Главным редактором этого издания был Шарль де Ларивьер, перу которого принадлежала одна из первых в XX веке французских работ, посвященных проблеме русско-французских культурных связей, книга «Франция и Россия в XVIII веке. Исследование французско-русских исторических и литературных связей» (1909). Опираясь на неопубликованные архивные материалы из архивов Министерства иностранных дел Франции и новые для того времени российские публикации (изданные в Москве в 1879—1887 гг. Архивы князя Воронцова, опубликованные в Санкт-Петербурге в 1874 г. «Дневники» Храповицкого и т. д.), Ларивьер освещает некоторые мало изученные эпизоды из истории русско-французского культурного диалога (Екатерина II и д'Аламбер, Екатерина II и Бюффон, восприятие Екатериной II комедии Бомарше «Женитьба Фигаро» и т. д.).

Весьма интересным был раздел, в котором говорится о восприятии России известным французским экономистом, теоретиком школы физиократов Мерсье де ля Ривьером, прибывшим в Россию по приглашению Екатерины II в 1767 г. Однако в целом Ларивьер больше внимания уделяет не анализу образа России, каким он сложился в сознании французских писателей и путешественников XVIII века, а обстоятельствам их пребывания в России, их взаимоотношениям с Екатериной II. Некоторые эпизоды книги напоминают скорее исторические анекдоты, нежели серьезные научные разыскания.

Собственно Ларивьер и сам рассматривает свою книгу как собрание подготовительных материалов для последующей большой, обобщающей работы о русско-французском диалоге. «...Перед тем как предпринимать большое обобщающее исследование о том, как европейская цивилизация проникала в Россию, привнося сюда кое-что из своей духовной культуры, необходимо создать специальные очерки или монографии о выдающихся французских и русских деятелях, которые тем или иным образом внесли свой вклад в это дело» [7].

Проблему рецепции России во французской литературе XVI—XVII веков затронул в своей книге «Славянский мир и французские классики в XVI—XVII вв.» (1912) французский ученый Абель Мансуи. В книге А. Мансуи из пятнадцати разделов «русской теме» посвящен лишь один, последний «Россия и французская литература XVII века», хотя некоторые сведения о том, какие упоминания о России встречаются у Рабле и Монтеня, содержатся и в других разделах книги. Однако основное внимание уделено XVII веку. А. Мансуи собрал те немногочисленные пассажи и упоминания о Московии, которые смог обнаружить в произведениях А. де Сент-Амана, Сирано де Бержерака, в переписке Ж. Расина. А. Мансуи заключает, что почти никто из крупных французских писателей XVII века не обращался к «русской теме» в своем творчестве, что о России не было написано ни одной книги. Никто из них не знал русского языка и никогда не бывал в России.

Несколько подробнее рассказано о том, какие реалии русской жизни нашли отражение в путевых записках первооткрывателя Московии для французов, офицера и авантюриста Ж. Маржерета, мемуарах и дневниках литераторов второго ряда — Реньяра, Ла Нёвилля, Данжо.

Вряд ли можно утверждать, что книга Мансуи исследует образ России во французском литературном сознании XVI—XVII веков. Она скорее лишь констатирует, что никакого сколько-нибудь отчетливого образа России в литературном сознании Франции XVII века еще не сложилось. «Когда какой-нибудь автор решался говорить о Московии, то чаще всего лишь случайно и почти всегда поверхностно», — заключает Мансуи [10; 475].

Полемической по отношению к концепции Мансуи стала статья Г. Лозинского «Россия во французской литературе средних веков», опубликованная в парижском журнале «Рёвю дез этюд слав» в 1929 г. Автор ставит цель — «уточнить, какими были представления о России во французском средневековом сознании, как они формировались и распространялись, какое отражение они нашли в литературе той эпохи» [9]. Материалом, на основании которого делаются выводы, стали французские поэмы, романы, хроники и научные трактаты XII—XIII веков. Г. Лозинский опровергает широко распространенное в науке начала XX века представление, согласно которому до XVI столетия о России ничего не было известно на Западе. Автор статьи доказывает, что первые упоминания о русских в западных

хрониках относятся к IX веку, а в X веке первые западные путешественники отважились посетить русские земли. Анализ памятников французской средневековой литературы позволяет Г. Лозинскому сделать вывод о том, что Русь вовсе не была для французских писателей и эпохи Средневековья «terra incognita» и что представления о России в средневековой Франции, вопреки устоявшемуся мнению, не были «весьма неопределенными» и фантастическими [9].

В начале 1950-х годов во французской компаративистике намечается поворот от традиционного для сравнительно-исторического литературоведения изучения контактов между различными национальными литературами и их взаимовлияний к исследованию образа иной страны, ее народа и культуры, каким он складывается и существует в инонациональном литературном сознании. Зачинателем этого «переворота» стал французский литературовед-компаративист Мариус Франсуа Гийяр, автор книги «Сравнительное литературоведение» (1951). М.-Ф. Гийяр вступает в полемику с американскими компаративистами, сосредоточившимися на изучении литературных влияний. «Изучение влияний часто обманчиво и разочаровывает», — писал Ф.-М. Гийяр [6; 25]. Вывод, который делает М.-Ф. Гийяр: «Не будем больше проследивать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях... В этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований» [6].

Призыв М.-Ф. Гийяра был услышан французским литературоведением: вскоре во Франции появятся серьезные исследования, объектом которых станет образ России во французском культурном сознании разных эпох (прежде всего XVIII и XIX веков).

Монография французского историка Альбера Лортолари — «Русский мираж во Франции в XVIII веке» (1951), несмотря на то, что она была опубликована более полувека тому назад, остается книгой, мимо которой не прошел ни один исследователь, занимавшийся этой проблемой.

На обширном материале А. Лортолари раскрыл генезис, структуру и функционирование во Франции эпохи Просвещения мифа о России, созданного французскими просветителями (Фонтенелем, Вольтером, Дидро и др.). Как показал Лортолари, важнейшими компонентами этого мифа были легенды о Петре I — преобразователе России, в одночасье выведшем страну из тьмы варварства на путь цивилизации, и продолжательнице его дела Екатерине II, воплощавшей просветительскую концепцию просвещенной монархии (просвещенного абсолютизма) и вся политика которой вдохновлялась уроками просветителей.

Миф о России, по мысли Лортолари, был плодом фантазии просветителей и служил в качестве доказательства их концепции прогресса. Россия, преодолев-

шая свою отсталость, подавалась как пример для подражания западным странам, которых она обогнала в своем движении к цивилизации.

Лортолари впервые во Франции дал анализ записок французских путешественников, дипломатов, ученых, побывавших в России в XVIII веке (Бернардена де Сен-Пьера, Лемерсье де ля Ривьера, Клода Рюльера, Жана Шапп д'Отроша).

Продолжателями традиции Лортолари во французской «Россике» стали М. Кадо и Ш. Корбе. Монография французского историка Мишеля Кадо «Россия во французской интеллектуальной жизни: 1839—1856» (1967) представляет собой серьезное исследование исторического и культурологического характера, в котором дана широкая картина того, как русский фактор присутствовал в культурной жизни Франции указанного периода. Книга содержит ценные и обширные сведения о русских эмигрантах во Франции (Н. И. Тургеневе, И. Г. Головине, Н. И. Сазонове, Бакунине, А. И. Герцене, о русских салонах в Париже, о специфической (шпионской) деятельности А. И. Тургенева и Я. Н. Толстого во Франции и т. д.). Особенно интересной представляется глава о французских путешественниках в Россию (ученых, туристах, музыкантах, литераторах, дипломатах), оставивших свои свидетельства, путевые записки или воспоминания о поездке в нашу страну, краткая характеристика или небольшие очерки о которых даны в монографии. Особое внимание М. Кадо привлекла фигура А. де Кюстина, его поездка в Россию и памфлет «Россия в 1839 году». Подробному изучению обстоятельств этой поездки, анализу некоторых тем кюстиновской книги (образы Санкт-Петербурга и Москвы в «России в 1839 году») и обстоятельному обзору откликов на произведение Кюстина в России и в Западной Европе посвящены две главы монографии.

Однако, несмотря на богатейший и интереснейший материал, собранный в книге, она лишь в небольшой своей части затрагивает проблему восприятия России французским литературным сознанием. Этой теме посвящен небольшой — в пять страничек — очерк под названием «Бальзак или украинский мираж», такие же коротенькие и в значительной степени описательные «заметки», иногда в несколько страничек, о визитах французских литераторов виконта Арленкура, А. Мери-ме, Ш. де Сен-Жюльена в Россию и их путевых записках (показательно, что все это помещено в раздел «Французские туристы в России»).

В первой части монографии М. Кадо реконструирует не образ России во французском литературном — и шире — культурном сознании, но картину русско-французских культурных контактов за период с 1839 по 1856 г. Вторая часть значительно ближе подходит к теме «Россия в культурном сознании Запада». В ней материал группируется вокруг трех основных тем: 1) «Россия во времени» («La Russie temporelle») — анализ представлений французских географов, климате и общественном устройстве России, 2) «Культура России»

(«La Russie spirituelle»), где анализируются представления французских о религиозной жизни в России и русской литературе 3) «Россия и Запад» («La Russie et l'Occident») (Польша, Россия и панславизм; Россия, Европа и революция 1848 г.).

Однако монография Кадо — скорее историческое или культурологическое, но не литературоведческое исследование. В ней произведения литературы, литературный материал — лишь источник информации для ученого-историка, воссоздающего панораму русско-французских культурных связей. Кадо не интересуется художественный образ России, каким он создан французскими писателями XIX в.

В такой же манере написана и вышедшая в том же 1967 г. книга другого французского ученого Шарля Корбе «Французское общественное мнение перед лицом русской незнакомки». Если М. Кадо интересовал прежде всего вопрос о том, как русский фактор присутствовал и функционировал во французской общественной и культурной жизни середины XIX века, то Ш. Корбе исследует формирование и трансформацию образа России во французском общественном сознании на протяжении всего XIX века. При этом русская тема во французской литературе — лишь один (и не самый важный) исследовательский сюжет в работе Ш. Корбе.

Работы Кадо и Корбе, являясь имагологическими по тематике, не являются таковыми по своим методологическим подходам. М. Кадо и Ш. Корбе демонстрируют свойственную позитивизму высокую культуру скрупулезного собирания и тщательного описания фактов. Оба французских исследователя рассматривают «русский фактор» прежде всего в его обусловленности социокультурной и политической ситуацией во Франции. Особенно объемно это сделано в монографии Ш. Корбе, показавшего борьбу и колебание во французском общественном сознании XIX века двух тенденций, векторов восприятия России (русофильского и русофобского) в зависимости от изменения политической конъюнктуры во Франции.

Однако ни у М. Кадо, ни у Ш. Корбе трансформация образа России во Франции не показана как результат тех сдвигов, которые происходили в культурном сознании эпохи.

Ближе к решению этой задачи подошел американский историк и культуролог Лари Вульф в своей книге «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения», изданной в 1994 г. Это интересная и тщательная реконструкция концепции Восточной Европы, как она складывалась в трудах западноевропейских просветителей (прежде всего Вольтера) на протяжении XVIII века.

Вульф руководствуется постструктуралистской методологией (не случайно на страницах книги не единожды встречается имя Мишеля Фуко). С точки зрения автора, Восточная Европа есть интеллектуальный конструкт — изобретение Европы Западной, результат взаимодействия различных дискурсов XVIII века (литера-

турного, исторического, философского, публицистического и т. д.).

Для Вульфа изобретение Восточной Европы — часть более широкого проекта самоидентификации Запада, его попыток в эпоху Просвещения четче обозначить собственную систему ценностей, описать свои специфические черты, отличающие его в культурном отношении не только от далекой Азии, но и от соседней восточной Европы.

В книге Л. Вульфа особенно интересны разделы, посвященные образу России в произведениях европейских писателей восемнадцатого столетия (Вольтер, Монтескье, Руссо, Дидро и др.). Центральным в этом отношении представляется раздел «Россия в сочинениях Вольтера» и разделы, посвященные анализу путевых записок западноевропейских путешественников, дипломатов, авантюристов, в которых они зафиксировали представления о России XVIII века (граф де Сегюр, Д. Казанова, У. Кокс, маркиз де Салаберри и др.). Л. Вульф убедительно показал, как из-под пера Вольтера возникал просветительский миф о России как государстве, выполняющем просветительскую и объединяющую роль в Восточной Европе. Вместе с тем существовали и другие мифы о России в эту эпоху — например, миф о «варварстве» русских (Сегюр, Салаберри и др.).

«Две Европы, Восточная и Западная, были изобретены сознанием XVIII века одновременно, как две смежные, противоположные и взаимодополняющие концепции, непредставимые друг без друга», — заключает автор [1; 37]. В монографии показано, как прогрессистский миф о России, у истоков которого стояли Фонтенель и Вольтер, определил взгляд на Россию французских путешественников, дипломатов, тех, кто (в отличие от Вольтера и Фонтенеля) посетил эту страну и описывал ее, руководствуясь собственными впечатлениями, а не полученными из разных источников сведениями. Правда, эти впечатления не были абсолютно непосредственными. В их описании заметно влияние вольтеровского мифа о России, яркой иллюстрацией чему могут служить «Мемуары» графа де Сегюра, французского посла при дворе Екатерины II.

Сама концепция вульфовского труда, его главная мысль, что Восточная Европа — всего лишь некий интеллектуальный конструкт, мыслительная проекция Западной Европы, — сохраняет и утверждает за Восточной Европой (и Россией как ее частью) статус чего-то производного, вторичного, периферийного, в конечном счете, несамобытного и «второсортного» в культурном отношении. Казалось бы, с сожалением фиксируя в книге некий «комплекс превосходства» западноевропейцев по отношению к России, Л. Вульф в действительности всем пафосом своей работы этот комплекс поддерживает и культивирует. Ведь речь в книге идет не просто о том, как Западная Европа воспринимала те территории и народы, что лежали к востоку от Вислы. Такая постановка вопроса была бы вполне нейтральной и не содержала бы в себе скрытого идеологического за-

ряда. В конце концов, диалог культур — явление закономерное. Западная Европа в XVIII веке создала свой образ России, точно так же, как Россия создала в тот же период свой образ Западной Европы. В этом нет ничего такого, что ставило бы одну страну или нацию в подчиненное положение по отношению к другой. Однако Л. Вульф ведет речь о другом. Его интересует не проблема рецепции Восточной Европы (России) западным культурным сознанием, а акт «изобретения» Западом Востока. В такой трактовке Запад выступает по отношению к Восточной Европе и России не просто реципиентом, пусть и активным как всякий реципиент, трансформирующим, преобразующим воспринимаемый объект в соответствии с собственной системой понятий, представлений и ценностей, но «демиургом», творящим этот самый объект, дающим ему смысл и жизнь.

Очевидно, что западное литературоведение зачастую выходит за рамки объективности при анализе дискурса о России, а работы, претендующие на научность, аналитичность, превращаются в новые мифологические конструкты. Примером может служить статья современной французской исследовательницы Франсины-Доминик Лиштенан «Миф о России, или Философический взгляд на вещи» (2002). Начало статьи представляет собой краткое изложение концепции «русского миража» А. Лортолари. Правда, почему-то без сноски на его книгу и даже без упоминания имени французского ученого.

Далее Ф.-Д. Лиштенан утверждает, что Ж.-Ж. Руссо в «Общественном договоре» «отказал императору Петру Великому <..> в каких бы то ни было талантах» [2; 36]. Ничего подобного нельзя обнаружить в трактате Руссо. Французский мыслитель, действительно, считал, что «Петр обладал талантом подражательным, у него не было подлинного гения, того, что творит все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту» [3; 198]. Как видно из приведенной цитаты, оценка личности и деятельности Петра I у Руссо не столь однозначна, как это представлено в статье Ф.-Д. Лиштенан и, уж во всяком случае, автор «Общественного договора» не отказывал Петру «в каких бы то ни было талантах».

Ниже Ф.-Д. Лиштенан утверждает, что Вольтер согласился написать «Историю Российской империи» «по источникам, навязанным ему русским двором» [2; 37]. И опять неточность. Как убедительно показал в своей монографии А. Лортолари, подробно, на основании документов реконструировавший историю создания Вольтером вышеупомянутой книги, не русский двор «навязывал» Вольтеру источники, а Вольтер настойчиво требовал и с нетерпением ждал материалы, присылаемые ему с задержкой из России (прежде всего мемуары Лефорты) [см. 8; 49].

Показательно, что основное внимание в статье Ф.-Д. Лиштенан уделено «Путешествию в Сибирь» аббата Шаппа д'Отроша. Исследовательница не первой обращается к фигуре Шаппа д'Отроша: небольшой раздел о нем находим у А. Лортолари [см. 8; 191—197]. Однако оценка места и значения «Путешествия в Сибирь»

у А. Лортолари и Ф.-Д. Лиштенан различны. С точки зрения последней, «Шапп нанес серьезный удар по тем идеальным конструкциям, которые возводили философы (имеются в виду французские просветители, прежде всего Вольтер, видевшие в России образец просвещенного абсолютизма и пример для Запада — Авт.): он развенчал российскую абсолютную монархию» [2; 37]. Автор статьи полагает, что сочинение Шаппа д'Отроша «подвело предварительные итоги многолетнего спора: творцам мифа о динамичной, современной «юной нации» Шапп напомнил о том, что в действительности эта нация живет под властью деспотизма, парализующего ее волю, а порой и оказывающего губительное воздействие на само ее существование» [2; 38].

Странно, почему эта «заслуга» приписывается именно Шаппу д'Отрошу. Кроме того, не вполне понятно, как мог сыграть такую решающую роль в споре с крупнейшими французскими просветителями автор, под пером которого, по признанию самой Ф.-Д. Лиштенан, «история России сводилась к сборнику анекдотов» [2; 41].

Автор статьи пытается найти выход из этой ситуации, но это не слишком удается. «Впрочем, — пишет Ф.-Д. Лиштенан, — возможно, что и поверхностность Шаппа представляла собою одну из форм его полемики с философами» [2; 41]. Что ж, заметим мы, при желании и необходимости, можно и глупость выдать за «одну из форм полемики» с умом.

Шапп д'Отрош не является сколько-нибудь значительной фигурой во французской культуре XVIII столетия. Почему же тогда книга второразрядного литератора оказалась в центре внимания Ф.-Д. Лиштенан? Не потому ли, что позиция аббата по отношению к России была не просто критической, но откровенно русофобской. Как замечает Ф.-Д. Лиштенан, «в отличие от Монтескьё, Шапп не считает дурные нравы русских плодом завоевания или смешения с народами еще более варварскими; нет, все перечисленные пороки, по его мнению, — неотъемлемая часть русского национального характера, вконец испорченного, «извращенного» веками деспотического правления» [2; 39].

Конечно, аббат, писавший свои записки о России в 60-х годах XVIII века, когда роскошь и растление нравов, распутство при дворе Людовика XV, жившего и правившего в соответствии с провозглашенным принципом «*Après nous le déluge*», стали притчей во языцех, имел полное моральное право судить об испорченности и «извращенности» русского народа.

Свой дифирамб Шаппу Ф.-Д. Лиштенан завершает следующим пассажем: «Сочинителям-русософилам (заметим эту смену стилистики: те, кого теперь французская исследовательница называет «сочинителями» в начале статьи были охарактеризованы как «блистательнейшие мыслители XVIII столетия» — Авт.) Шапп противопоставил описание эмпирической реальности; он не собирався дополнять и совершенствовать написанное философами, он ограничился тем, что подспудно их опроверг» [2; 41].

Действительно, как астроном и посредственный литератор, каким был Шапп д'Отрош, мог «дополнить или усовершенствовать» созданный великими умами эпохи Просвещения миф о России. Для этого нужно было бы обладать талантом, равновеликим таланту Вольтера, Дидро или Фонтенеля. За неимением такового, заслугу Шаппа Ф.-Д. Лиштенан видит в том, что он просветительскому мифу противопоставил «описание эмпирической реальности» русской жизни и тем «подспудно» якобы опроверг этот миф.

Не беремся судить, какой смысл вкладывает французская исследовательница в словосочетание «подспудно опроверг» (допускаем, что здесь имеет место неточность перевода на русский язык), но как «описание эмпирической реальности» может разрушить миф, — это остается для нас загадкой. Миф может разрушить и вытеснить из общественного сознания только другой миф. Возможно, автор статьи хотел доказать, что Шапп д'Отрош в своем «Путешествии в Сибирь» создал такой миф, хотя точнее было бы сказать, что он лишь повторил задолго до него сложившийся в произведениях различных западных путешественников, торговцев, дипломатов и литераторов миф о «варварской», «дикой» и «деспотической» России.

Гораздо более взвешенной является оценка труда Шаппа д'Отроша в монографии А. Лортолари, писавшего: «Конечно, книга не лишена недостатков. Ее автор, как большинство его предшественников, считает, что единственным источником русского деспотизма является страх. Под покровом грубых суеверий он не разглядел настоящего религиозного чувства русских. Римский католик, он предубежден против этих ортодоксов. Наконец, как светский человек, он слишком большое значение придает манерам <...>, но «он рассказывает о том, что он видел» и «его книга была вполне искренней («*de bonne foi*»)» [8;197]. Как видно, в отличие от Ф.-Д. Лиштенан, А. Лортолари не преувеличивал масштабов фигуры аббата, достоинств и значения его записок о России, не представлял его ниспровергателем «русского миража», ставя его тем самым в один ряд с крупнейшими французскими просветителями. В оценке А. Лортолари, книга Шаппа д'Отроша — всего лишь искреннее свидетельство о том, что тот увидел в России, но искреннее не значит правдивое или объективное. Заблуждаться тоже можно искренне.

И, наконец, об одной особенности стилистики статьи Ф.-Д. Лиштенан. «Петр I наводнил западную прессу сочинениями во славу своей империи» [2; 36], «Петру I, а скорее пропаганде его восторженных наследников (или, вернее, наследниц) и их «просвещенных» сторонников, мы обязаны, по Шаппу, появлением легенды о современной России, сотворенной в соответствии с некоей программой, неким планом... России, которой на самом деле не существовало <...>» [2; 40]. «Наводнил», «пропаганда», «восторженные наследники», кавычки, в которые заключено слово «про-

свещенные», характеризующее сторонников Петра Великого, — все это так не соответствует стилю научной работы. Конечно, французская исследовательница имеет право на собственное отношение к Петру I, но, думается, что задача научной статьи под названием «Миф о России» — исследовать логику создания и функционирования этого мифа (пусть не того, что был создан Фонтенелем и Вольтером, ибо этот миф уже описан и проанализирован А. Лортолари, но другого, сотворенного Шаппом д'Отрошем). К сожалению, в статье Ф.-Д. Лиштенан эта задача не только не решена, но даже и не поставлена.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что приоритетное внимание западных (прежде всего французских) ученых в XX-начале XXI века уделено изучению произведений о России, написанных в XVIII веке в разных жанрах (путевые заметки, мемуары, научно-популярные очерки и т. д.). Наиболее значительные труды западной «Россики» были сосредоточены на исследовании русско-французских литературных связей и куль-

турных контактов. Поворот к имагологической проблематике произошел в начале 50-х годов XX века, но на начальном этапе исследования, в которых объектом изучения стал образ России в общественном сознании Франции (работы А. Лортолари, М. Кадо, Ш. Корбе), были еще тесно связаны с позитивистской методологией и традициями культурно-исторической школы. Имагологический подход к изучению проблемы утвердился позже. Ярким образцом исследования имагологического характера не только по тематике, но и по методологии, стала книга американского историка Лари Вульфа «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (1994), в которой образ Восточной Европы и России, каким он сложился в западном сознании XVIII века, трактуется лишь как результат взаимодействия различных дискурсов эпохи (литературного, научного, публицистического). Некоторые образцы западной «Россики» последнего времени далеки от научной объективности, латентно содержат в себе идеологический посыл.

Литература

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое лит. обозрение, 2003.
2. Лиштенан Ф.-Д. Миф о России, или Философический взгляд на вещи // Пинакотека. 2002. 13/14.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-Пресс, 1998.
4. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française; 1839—1856. P.: Fayard, 1967.
5. Corbet Ch. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799—1894). P.: Didier, 1967.
6. Guyard M.-F. La littérature comparée. P.: PUF, 1951.
7. Larivière Ch. de. La France et la Russie au XVIII-e siècle. Etudes d'histoire et de littérature franco-russe. P.: Librairie Le Soudier, 1909.
8. Lortholary A. Le Mirage russe en France au XVIII siècle. P.: Boivin, 1951.
9. Lozinski G. La Russie dans la littérature française du Moyen âge // Revue des études slave. 1929. IX. 1—2.
10. Mansuy A. Le monde slave et les classiques français aux XVI—XVII siècles. P.: Librairie Ancienne Honoré Champion, éditeur, 1912.